

Duma Tkacha Дума ткача Weaver's Song

Sergei Silych Sinegub (1851-1907). "Collection of new poems and songs", 1873

The poem was written at the beginning of 1873 after the poet visited one of the St. Petersburg weaving factories (many factory workers were peasants and went to their farms in the spring, and returned to the city to work in the fall). The poem remained popular until 1917. Sologub was a member of the "Tchaikovsky" circle and the preparation of "Going to the People" (started in 1874), and conducted propaganda among weaver workers. Arrested in 1873, spent four years in pre-trial detention in St. Petersburg, then went through the "trial of 193" (participants in "Going to the People") and was sentenced to 9 years of hard labour and lifelong exile in Siberia.

Мучит, терзает головушку бедную Грохот машинных колес; Свет застилается в оченьках крупными Каплями пота и слез.	Muchit, terzaet golovushku bednuju Grohot mashinnykh kol'os; Svet zastilaetsja v ochen'kah krupnymi Kapl'ami pota i sl'oz.	Torments, tore the poor little head The rumble of cogs; The light is obscured in the eyes by large Drops of sweat and tears.
«Ах, да зачем же, зачем же вы льетесь, Горькие слезы, из глаз? Делу - помеха; основа попортится! Быть мне в ответе за вас!	«Ah, da zACHEM zhe, zACHEM zhe vy l'etis'a, Gor'kie sl'ozy, iz glaz? Delu - pomekha; osnova poportits'a! Byt' mne v otv'ete za vas!	"Oh, but why, why are there flowing, Bitter tears from your eyes? They are a hindrance to the work; the foundation will spoil! I will look after you!
Нитка порвалась в основе канальская, Эка канальская снасть! Ну, жизнь бесталанная! Столько-то на душу, Примешь мучениев, - страсть!	Nitka porvalas' v osnov'e kanal'skaja, Eka kanal'skaja snast'! Zhizn' bestalannaja! Stol'ko-to na dushu, Primesh' muchenijev, - strast'!	The thread broke at the base, What a bastard! Well, life is poor! Only so much suffering per soul, One can take - Horror!
Кашель проклятый измаял всю грудь мою, Тоже болят и бока, Спиноушка, ноженьки ноют, сердечные, Стой целый день у станка!	Kashel' prokljatyj izmajal vs'u grud' moju, Tozhe bol'at i boka, Spinushka, nozhen'ki nojut, serdechnyje, Stoj tselyj den' u stanka!	This damned cough has worn out my whole chest, My sides hurt too, My back, my legs, my heart, Standing at the machine all day!
Шибко измаялся нынче, - присел бы я, Кабы надсмотрщик ушел. Эх, разболелися бедные ноженьки, Словно верст сорок прошел!..»	Shibko izmajalsja nynche, - prisel by ja, Kaby nadsmotrshhik ushel. Ekh, razbolelis'a bednye nozhen'ki, Slovno verst sorok proshel!...»	I'm so tired - I would sit down if the overseer left. Oh, my poor legs are hurting, It's like I've walked forty miles!.."
Взором туманным обводит он ткацкую, Нет ли надсмотрщика тут; Сел бы, - торчит окаянный надсмотрщик, - Вмиг оштрафует ведь плут!	Vzorom tumannym obvodit on tkatskuju, Net li nadsmotrshhika tut; Sel by, - torchit okajannyj nadsmotrshhik, - Vmig oshtrafuet ved' plut!	He looks around the weaving room with a misty gaze, Is there an overseer here; I would have sat down," the cursed overseer is here, " The rogue will fine you in a moment!
Грохот машин, духота нестерпимая, В воздухе ключья хлопка, Маслом прогорклым воняет удушливо: Да, жизнь ткача нелегка!	Grokhhot mashin, dukhota nesterpimaja, V vozduhe kloch'ja khlopka, Maslom progorklym vonjaet udushlivo: Da, zhizn' tkacha nelegka!	The roar of cars, the unbearable stuffiness, The shreds of cotton In the air, The rancid oil stinks suffocatingly: Yes, the life of a weaver is not easy!
		He stood, poor fellow, with his head

Стал он, бедняга, понуривши
голову,
Тупо глядеть на станок.
Мечется, режет глаза наболевшие
Бешеный точно челнок.

«Как не завидовать главному
мастеру,
Вишь, на окошке сидит!
Чай попивает да гладит бородушку,
Видно, душа не болит.

Ласков на вид, а взгляни-ка ты
вечером, -
Станешь работу сдавать,
Он и работу бранит, и ругается,
Всё норовит браковать.

Так ведь и правит, чтоб меньше
досталось
Нашему брату, ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин,
надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу!

Хвор становлюся; да что станешь
делать-то,
Нам без работы не жить –
Дома жена, старики да ребятушки,
Подати надо платить.

Как-то жена нынче с домом
справляется,
Что нам земляца-то даст?
Мало земляцы; плоха она, матушка,
Суцая, право, напасть!

Как сберегу, заработавши, денежки,
Стану домой посылать...
Сколько за месяц-то нынче
придется мне
Денег штрафных отдавать?

Эх, кабы меньше... О, господи,
господи!
Наш ты всевышний творец!
Долго ли будет житье горемычное,
Скоро ль мученью конец?!»

Stal on, bednjaga, ponurivshi golovu,
Tupo gl'adet' na stanok.
Mechetsja, rezhjet glaza nabolevshie
Bshenyj tochno chelnok.

«Kak ne zavidovat' glavnomu
masteru,
Vish', na okoshke sidit!
Chaj popivaet da gladit borodushku,
Vidno, dusha ne bolit.

Laskov na vid, a vzgl'ani-ka ty
vecherom, -
Stanesh' rabotu sdavat',
On i rabotu branit, i rugaetsja,
Vs'o norovit brakovat'.

Tak ved' i pravit, shtob men'she
dostalosa
Nashemu bratu, tkachu.
Ekh, glavnyj master, khoz'ain,
nadsmotrshhiki,
Zhit' ved' ja tozhe hochu!

Khvor stanovl'usja; da shto stanesh'
delat'-to,
Nam bez raboty ne zhit' –
Doma zhena, stariki da reb'atushki,
Podati nado platit'.

Kak-to zhena nynche s domom
spravljaetsja,
Shto nam zemlitsa-to dast?
Malo zemlitsy; plokha ona, matushka,
Sushhaja, pravo, napast'!

Kak sberegu, zarabotavshi, denezhki,
Stanu domoj posylat'...
Skol'ko za mes'ats-to nynche
pridets'a mne
Deneg shtrafnyh otdavat'?

Ekh, kaby men'she... O, gospodi,
gospodi!
Nash ty vsevyshnij tvorets!
Dolgo li budet zhit'e goremychnoe,
Skoro l' muchen'ju konec?!»

down,
Staring blankly at the machine.
He rushes around, hurting his sore
eyes, mad as a bobbin.

"How not to envy the master?
See, he's sitting in the window!
He drinks tea and strokes his beard,
Apparently, the soul does not hurt.

He looks kind, but look at him in the
evening -
You'll be handing over your work,
He curses his job and swears,
that your work is faulty.

That's how he rules, so that he gets
less
Than our brother, the weaver.
Eh, the head master, the master,
the overseers,
I want to live too!

I'm getting sick; but what are you
going to do,
We can't live without work –
My wife is at home, the old people
and the kids,
The taxes must be paid.

Somehow, my wife is coping with
the home now,
What will the land give us?
There is little land; it is bad, Mother,
A real disaster, really!

How can I save money when I earn
it,
I'll send it home...
How much in a month will I have to
pay today
Will I have to pay the penalty
money?

Oh, if only it were less... oh, my
God, my God!
You are our supreme creator!
How long will this miserable life last,
Is the end of the torment coming
soon?!"

405. Дума ткача

Умеренно

Гро- хот ма- шин, ду- хо- та не- стер-
 - пи- ма- я, в воз- ду- хе клочь- я хлоп-
 - ка, мас- лом про- горк- лым во-
 - ня- ет у- душ- ли- во- да, жизнь тка-
 - ча не лег- ка.

38. МУЧИТ, ТЕРЗАЕТ ГОЛОВУШКУ БЕДНУЮ (Дума ткача)

$\text{♩} = 52$

Му- чит, тер- за- ет го- ло- вуш- ку бед- ну- ю
 гро- хот ма- шин- ных ко- лес, свет за- сти-
 - ла- ет- ся в очень- ках крупными кап- ля- ми по- та и
 слез, свет за- сти- ла- ет- ся в очень- ках крупными
 кап- ля- ми по- та и слез.